

ИЗ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СТИЛИСТИКА И ПОЭТИКА»

© 1991 г.

СКРЕБНЕВ Ю. М.

АКСИОМЫ, ПСЕВДОПРОБЛЕМЫ И ПРОБЛЕМАТИКА СТИЛИСТИКИ*

Количество стилистических аксиом невелико. Можно, во-первых, считать не требующим доказательств тот факт, что характер речевого акта и тип текста зависят от социальных условий речедействия и текстоформирования, а также от индивидуальности продуцента.

Во-вторых, очевидно, что на любом ярусе языковой системы (фонемном, морфемном, лексемном, синтаксическом, текстовом), равно как и в сфере семантики, охватывающей все уровни, кроме первого, существуют неопеиоупотребительные, «специфические» единицы, вызывающие ассоциацию с той речевой сферой, для которой они характерны и вне которой обычно неуместны.

В-третьих, можно перечислить относительно небольшое количество недвусмысленных терминов типа «пароним», «метонимия», «оксюморон», «инверсия». Едва ли этот список может быть значительно увеличен, так как уже по поводу терминов «метафора», «литота», «ирония», «эпитет» и т. д. неминуемо возникнет полемика.

Сравнительно небольшим является также количество «псевдопроблем» — задач, решение которых невозможно по самой их сути. Целесообразно различать две их разновидности.

1. Проблемы, постановка которых не учитывает такие свойства объекта, как его неопределенность и неочерченность (вызываемые гетерохронностью и гетерогенностью его составляющих). Таково, в частности, стремление расставить по местам, соотносить и разграничить частично пересекающиеся, но заведомо разнонаправленные и разнообъемные понятия: «лингвостилистика», «лингвопоэтика», «стилистика текста», «стилистика языка», «стилистика речи», «стилистика ресурсов», «функциональная стилистика», «экспрессивная стилистика» и т. д.

2. Проблемы, неразрешимость которых порождена некорректностью, неправомерностью самой их постановки. Из числа подобных наиболее известны попытки провести границу между явлениями стилистическими и грамматическими, стилистическими и фонетическими и т. п. Представляется самоочевидным, что описывающий структуру русских причастных и деепричастных оборотов выступает как грамматист, а упоминая об их неупотребительности в разговорной речи, он оперирует чисто стилистической информацией.

Разбору некоторых других спорных утверждений необходимо предпослать изложение позитивной программы автора.

К собственно проблематике до сих пор относится вопрос о стиле как основополагающем понятии стилистики. Более или менее непротиворечивое решение этого вопроса способствовало бы уточнению задач лингвостилистических описаний. Предпочтительны дефиниции, содержащие только необходимый и достаточный минимум сведений о предмете. Дефиниция не должна противоречить сложившейся исследовательской практике.

Автор руководствуется понятийно-терминологической системой, восходящей к концепции Ф. де Соссюра и к некоторым более поздним построениям. Эта система излагается далее в семи пунктах.

1. Речевая деятельность социума есть глобальная совокупность актов использования национального языка.

2. Язык — система ассоциаций звуковых (и графических) комплексов любой протяженности с обобщенными представлениями об участках действительности; система существует только в индивидуальном сознании, но поскольку она почти одинакова у каждого члена коллектива, она служит — через речь — средством общения и поэтому является феноменом социальным (тезис «язык существует в обществе» не даст ответа на вопрос, где именно он локализован и как реализуется).

3. Речевая сфера — условно принятое здесь терминологическое сочетание, означающее область использования языка, произвольно вычленяемую исследователем.

* Частично переработанная лекция, прочитанная на конференции в Звенигороде.

по тем или иным экстралингвистическим характеристикам; единственный ограничительный признак речевой сферы — ее более узкий объем сравнительно с глобальной речевой деятельностью общества.

4. Речь — только акт, процесс артикулирования языковых знаков (слов) и их последовательностей любой протяженности; речь существует (осуществляется) только во время ее звучания; выражение «письменная речь» означает нечто радикально отличающееся от подлинной речи (процесс выбора оптимального варианта, нередко длительный; транспонирование акустических сигналов в воспринимаемые зрением; часто — метонимически — графический итог этих процессов).

5. Текст. Речь порождает продукт, который А. Гардинер назвал «текстом» [4]. Текст — это чаще всего ряд (т. е. «последовательность») взаимосвязанных языковых знаков, оставшаяся в сознании реципиента (или записанная им) в итоге воспринятого речевого акта (актов). Осмысленность вряд ли следует считать необходимым признаком текста: ср. общеизвестные эксперименты с «глокой куздрой» или с «бешено спящими бесцветными зелеными идеями». Признак значительной протяженности ряда (обязательный для построения лингвистики текста) в излагаемой системе факультативен: однословное высказывание также составляет текст.

Ни терминологическое сочетание «речевая сфера», ни термин «текст» не рассматриваются автором как единственно приемлемые. Они избраны только как не противоречащие существу понятий, отграничивать которые от «речи» лингвист обязан.

Декодирование текстов дает возможность описать языковую систему или частную систему («подсистему», «подязык», «субязык»), лежащую в основе текста (группы однородных текстов).

6. «Субязык» — часть языка (набор его единиц любого порядка, любой синтаксической протяженности), обслуживающая выделенную исследователем речевую сферу. На нашей конференции Д. Н. Шмелев употреблял в этом же смысле выражение «разновидность языка». Действительно, термин «субязык» звучит непривычно, однако существуют прецеденты его употребления [2, 3]; от него образуются дериваты типа «субязыковой».

Субязык, естественно, имеет меньшие количественные параметры, чем язык в целом, однако объем понятия принципиально лишен определенности. Так, литературный язык есть субязык национального языка, включающего в себя также диалекты и социолекты. Наборы языковых единиц, встречающиеся у одного писателя, в технических инструкциях, в одном стихотворении, в телеграммах или других текстовых группах, — это также субязыки, лингвистически равноправные (как объекты описания), хотя и несоизмеримые по социальной ценности.

7. Стиль есть совокупность абсолютно специфических единиц субязыка, т. е. сумма черт, отличающая его от всех других выделенных данным исследователем. Кратчайшее определение: стиль есть специфика субязыка.

Неадекватность предложенных в свое время автором этих строк характеристик стиля как «конструкта», как «идеального представления» уже отмечалась [4]. По-видимому, следовало подчеркнуть тот казавшийся самоочевидным факт, что представлению о действительности предшествуют ее объективно существующие свойства. Характеристики акцентировали апперцепционную природу восприятия: анализируя конкретный текст, уже оперируют данными стилистического опыта. Термин «стиль» означает специфичность реального текста и общее представление о специфике текстового типа.

Некоторые критики ссылались на то обстоятельство, что абсолютно специфические единицы встречаются крайне редко; между тем носитель языка будто бы «интуитивно» определяет стилистическую принадлежность текста [5]. Это замечание сходно с утверждением, что стилистический знак не имеет своего означающего (иначе говоря, стилистическое содержание существует вне формы).

Конфликт между теорией и ее критиками или предшественниками порожден различиями в понимании терминов «единица», «знак», «черта». Для автора «единица» — это не только аллофон, алломорф, слово, словосочетание и т. д., не только троп или фигура, но и любые виды внутритекстовых отношений, соотносительностей, рекурренций, т. е. разноплановые характеристики того, что иногда именуют «глубинной системой». Отнюдь не мистическая «интуиция», а комплекс реальных свойств, подчас не регистрируемых сознанием адресанта и адресата, создает и стиль произведения, и свойства жанра (текстового типа, литературной школы).

Продолжим обзор. В плане изложенного неприемлемо отождествление стиля и субязыка («подязыка», «подсистемы», «разновидности языка»). Между тем в одном из определений предмета стилистики, цитируемых И. Р. Гальпериним, читаем: «... расчленение литературного языка на отдельные подсистемы, называемые стилями» [6]. Специфические свойства здесь равны их носителю.

Поскольку выбор объекта обусловлен замыслом исследователя, число стилей

не может являться конечной величиной. Между тем лингвисты убеждены в количественной определенности номенклатуры стилей, хотя число последних варьирует от двух («правильный язык» и «просторечие» — с последующим учетом стилистических тональностей и функциональных разновидностей [7]) до четырех [8], шести [9] и более.

Каждое классификационное построение выделяет новые (или возрождает прежние) подлинно специфические объекты в силу особенностей исходной позиции. Характерно, впрочем, что поборники четырех- или пятистилевой системы употребляют также выражения «стиль Пушкина» или «стиль авторских отступлений в таком-то романе». При этом слово «стиль» не лишается терминологической однозначности: независимо от социальной ценности выделенного стиля его статус («специфика субъязыка») остается неизменным.

Каждый исследователь оперирует избранной им номенклатурой стилей. Совокупность соответствующих субъязыков удобно представить на плоскостной схеме в виде эллипсов, вписанных в круг, очерчивающий границы национального языка (см. [10]). Область, занимающая середину круга, — зона нейтральных единиц типа *вода, окно, ходить*. Области, выделенные пересечением двух и более смежных эллипсов, содержат «относительно специфические единицы» (*операция, процедура, функция*), становящиеся абсолютно специфическими, если смежные эллипсы вписать в эллипс с меньшим эксцентриситетом, изображающий «субъязык интеллектуальных профессий». Несомненные экстремальные участки эллипсов — зоны «абсолютно специфических», стилеобразующих единиц (*брадикардия, осиянный, маршрутка*). Субъязыки ограниченного применения (наборы профессиональных клише продавца, кондуктора, кассира и т. п.) имеют вид помещенной внутри круга фигуры, образуемой неправильной замкнутой кривой.

Субъязыки разграничены не четкими линиями, а размытыми полосами — так сказать, «зонами толерантности». Стилистический статус многих языковых единиц либо объективно не вполне ясен, либо их оценка колеблется в зависимости от личного опыта. Так, встречая в современном романе о Великой Отечественной войне слова *настрой, задумка, глубинка, вообще-то*, участник войны видит анахронизмы — почти такую же фальшь, какую заметил бы даже юный читатель в словосочетании *индивидуальная трудовая деятельность*, вложенном графоманом в уста Разина или Пугачева.

Широко распространено понимание стиля как «отклонения от нормы» [11—13]. Сторонники идеи «ненормативности» стиля (вероятно, стремящиеся подчеркнуть неповторимость писательской индивидуальности) превращают в нарушителей нормы практически все человечество. Они безосновательно отождествляют «нормативное» и «нейтральное» — понятия далеко не равнозначные. Стилеобразующая специфика действительно является «отклонением» от нейтрального (общепотребительного, максимально частотного), но отнюдь не от нормативного, т. е. либо достоверно санкционированного узусом, либо отсутствующего в опыте, но приемлемого по аналогии. Выражение «отклонение от нейтрального» употребляется, в частности, Ю. С. Степановым применительно к варьированию коммуникативной структуры сообщения [14]. Специфические черты канцелярских документов, поэзии, телеграмм и т. п. столь же нормативны, как и нейтральные языковые манифестации типа *Я живу в этом доме*.

Слово «норма» (как языковедческий термин) призвано означать «представление об оптимальных (или допустимых) параметрах языковой (или субъязыковой) системы». Нет оснований называть «нормой» (именно это обычно делается!) саму языковую (или субъязыковую) систему, какой бы идеальной она ни являлась. Поскольку норма есть представление, а не реализация, она (норма) может лишь описываться, но не поддается демонстрации, недоступна наблюдению (как, кстати, и языковая или субъязыковая система). Наблюдаемы только нормативные или ненормативные языковые манифестации. Множественность субъязыковых норм очевидна; их число соответствует количеству выделенных субъязыков. Просторечие нормативно для его носителя, хотя грубо нарушает литературную норму.

Более или менее «единый» язык этнического сообщества существует только в идиолектах. Идиолект — один из миллионов субъязыков национального языка. То, что отличает идиолект индивида от других, выступает для носителей последних как его идиостиль. Язык коллектива членится на субъязыки не во внепространственной абстракции, а в индивидуальных сознаниях. Идиолект — микромодель национального языка. Количество субъязыков идиолекта является меньшим, нежели тотальная совокупность субъязыков, суммарно образующих современный русский (английский, немецкий и т. д.) язык. Далее. Идиостиль — не только специфика идиолекта в целом, но и личностная специфика общеколлективного или корпоративного субъязыка. При этом термин сохраняет однозначность, поскольку — напомним — «сферы» — «типы» — «субъязыки» — «стили» вычленяются произвольно, в соответствии с исследовательскими задачами.

Убежденность языковедов в том, что стили немногочисленны и объективно задавы, поддерживается традицией, восходящей к авторитетам прошлого: ср., например, теорию «трех стилей», по сути дела адекватно отражающую языковую действительность, однако лишь в первом приближении.

Следует подчеркнуть, что изложенное не подвергает сомнению целесообразность выделения социально-существенных сфер, типов текстов, субязыков и стилей, имеющего существенное значение для учебного процесса, решения вопросов культуры речи и т. д. Понимание задач лингвистической стилистики как «лингвистики субязыков», т. е. описания, уточняющего сферы использования языковых единиц, не противоречит существующим концепциям, а скорее оправдывает их разноречивость и подтверждает право на существование каждой из них.

Вместе с тем очевидно, что некоторые едва ли не общепринятые суждения (помимо уже рассмотренных) несомнимы с очерченной здесь позицией.

Так, иногда утверждают, что стиль может рассматриваться как некий текст. Нечто подобное писали и о языке в целом, отождествляя его с совокупностью порожденных им текстов. Разумеется, язык реализуется в текстах, изучив которые, можно описать языковую систему, но заучивание наизусть обширного текстового массива на незнакомом языке не обеспечивает даже минимального овладения этим языком. Тем более неправомерно приравнивание совокупности отличительных черт (т. е. стиля) к их носителю. Перед нами привычный эксцесс имманентно метонимизированной аппроксимационной логики.

В связи с изложенным можно обратиться к еще некоторым «мифам», т. е. псевдопроблемам стилистики. Известны, например, попытки решить, как соотносятся (и относятся ли вообще) стилистика и лингвистика. Странно, что сомнения такого рода вообще возникают. В одной из статей девятого выпуска серии «Новое в зарубежной лингвистике» констатация связи между той и другой преподносится как нечто новое [11]. Трудно поверить, что лингвист второй половины XX в. не знает, является ли стилистика составной частью науки о языке. С таким же успехом можно было бы вопрошать, является ли грамматика (фонетика и т. п.) частью языкознания.

Ведется также полемика о том, должна ли считаться текстом последовательность высказываний, лишенная признака связности. Ясно, что на этот вопрос не может быть дан истинный или ложный ответ. Проблема решается конвенционально: дело исследователей — условиться, считать ли, например, текстом грамматическое упражнение, состоящее из ряда пронумерованных предложений, заимствованных из разных литературных источников, или отнести ли к разряду текстов то, что читатель находит в телефонном справочнике. Как известно, лингвистика текста отдает предпочтение связному повествованию, хотя даже у списка абонентов городской телефонной сети имеются текстовые признаки когезии и когерентности.

Выше подчеркивалась практически всеобщая вера в то, что количество стилей в языке задано самой языковой действительностью, т. е. существует объективно, независимо от индивидуального сознания исследователя и от занимаемой им позиции. Какова аргументация в пользу вышеупомянутых трехстилевой или пятистилевой систем? Надо полагать, она сводится к тому, что между деловой, художественной и разговорной речью имеются значительные структурные и содержательные различия, существующие независимо от исследователя. В самом деле, различия между наиболее «чистыми» образцами упомянутых разновидностей объективны и чрезвычайно значительны. Но вопросы могут быть поставлены иначе. Являются ли границы между названными тремя стилями (точнее — речевыми сферами, текстовыми типами и субязыками) строго определенными? Нет, не являются. Существуют ли языковые манифестации, совмещающие в себе черты двух (и более) типов? Безусловно, существуют. Нельзя ли, далее, выделить в пределах каждого из трех типов их более узкие разновидности? Можно, причем столько, сколько понадобится исследователю. Число первоначально принятых экстралингвистических признаков речевой сферы всегда может быть увеличено на единицу — и субязык соизится. Встречающееся иногда утверждение, будто бы количество видов речевой деятельности исчислимо, никогда не подкреплялось ничем, кроме веры в авторитетные гарантии.

Говорят, наконец, что разновидность языка — это объективно данная нам сущность. В самом деле, любая выделенная языковедом разновидность языка (субязык) начинает существовать независимо от дальнейшей судьбы исследователя. Неверно, однако, полагать, будто бы она была задана языковеду как нечто реально дискретное, обособленное от остального. Границы объекта устанавливает сам лингвист, решающий, включать ли в сферу рассмотрения такой-то дополнительный текстовый материал, близкий к рассматриваемому, или ограничиться только первоначально избранным. Сказанное имеет в виду бесперспективность, например, полемики о том, где проходят границы между литературной речью и другими речевыми типами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарбинер А. Различие между «речью» и «языком» // История языкознания XIX и XX веков. Ч. II. М., 1960. С. 15.
2. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. С. 140, 181.
3. Леонова Л. А., Шубин Э. П. «Готовые» предложения в современном английском бытовом диалоге // ИЯШ 1970. № 5. С. 11.
4. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 48, 49.
5. Кожина М. Н. О речевой системности функционального стиля // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 73. М., 1973. С. 194.
6. Galperin I. R. Stylistics. M., 1971. С. 9.
7. Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. P., 1961. P. 17.
8. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981.
9. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
10. Скребинев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 21.
11. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
12. Сапорта С. Применение лингвистики в изучении поэтического языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
13. Халидей М. Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
14. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.

© 1991 г.

ГАСПАРОВ М. Л.

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «ХОРИСТКА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СТАТУСОВ

Известно, что наука риторика за последние полтора столетия была в пренебрежении, и само имя ее звучало однозвучно. Известно и то, что в последние десятилетия делаются попытки реабилитировать риторикку, подведя под ее положения, современную семиотическую базу. Такова, например, недавно переведенная у нас «Общая риторика» [1] бельгийской школы — боюсь, что слишком громоздкая. Направление это перспективно: как античная система понятий о стиле в наше время не отменилась, а обновилась на новой основе, так стремится обновиться и античная система понятий о стиле.

Однако сводить античную риторикку к системе понятий о стиле — значит очень ее ограничивать. В риторике было пять частей: инвенция, диспозиция, элокуция, мемория и акция. Стиль входил в элокуцию, учение об изложении материала. Область же инвенции, нахождения материала, давно забыта и кажется неактуальной. Думаю, что это неправильно.

К инвенции относились с недоверием потому, что она была сосредоточена прежде всего на специфике судебных прений, а судебные прения — область, казалось бы, мало соприкасающаяся с современной литературной практикой. Два основных раздела инвенции — система статусов, стратегических средств оратора, и система локусов (доказательств), тактических средств оратора. Кратко опишу эту специфически судебную теорию статусов, а затем попробую применить ее к более или менее неожиданному материалу.

Четыре основных статуса называются: статус установления, статус определения, статус оценки и статус отвода. Они следуют друг за другом, как четыре линии обороны при отражении предъявляемого обвинения.

Предположим, человеку предъявляется обвинение: «ты совершил убийство — ты подлежишь наказанию». Задача обвиняемого — доказать: «я не подлежу наказанию». Это он может сделать несколькими способами. (1) Прежде всего, он может с места отрицать: «я не совершал убийства». В таком случае предметом суда является вопрос: «был ли поступок?» (an sit?): это — статус установления. (2) Обвиняемый может отступать на шаг и сказать: «я совершил убийство, но оно было нечаянным». В таком случае предметом суда является вопрос: «в чем состоял поступок?» (quid sit?) — статус определения. (3) Обвиняемый может отступить еще на шаг и сказать: «вершил убийство, и даже преднамеренное, но лишь потому, что убитый был нечестив». В таком случае предметом суда является вопрос: «каков был поступок?» (quid sit?) — статус оценки.